

С.Чекалин. Как я провел лето 1961 года

С возрастом у многих возникают какие-то совершенно новые увлечения. Кто-то ударяется в богоискательство, в религию. А один из моих друзей стал просыпаться по утрам с полной головой стихов (хотя раньше он их не только не писал, но и не читал никогда!) и сейчас пытается издать уже вторую книжку. Меня сей крест пока миновал, но тоже часто бывает, что просыпаешься до восхода, и в голове совершенно ясно рисуются картины тридцати-, сорока-, а то и пятидесятилетней давности, причем так ясно, как будто это было вчера (впрочем, последнее сравнение совершенно неверно, потому что зачастую не можешь вспомнить даже того, что было сегодня). Это удивительное свойство памяти начинаешь осознавать только в весьма зрелом возрасте, так же, как и значимость некоторых событий. Понятно, что только в конце жизни можно осознать, что, если бы не было с тобой того-то и того-то, то и жизнь представилась бы скучной и несостоявшейся. Поэтому хочется как-то зафиксировать, записать все эти события, рассказать кому-то, что в этой жизни бывает стоящего. Но... если поленился это сделать сразу, то к середине дня все эти яркие воспоминания расплываются в памяти в какую-то тусклую кашу, которую нет никакого желания жевать и переваривать.

Когда я учился в школе, каждую осень мы писали сочинение на тему «Как я провел лето». Иногда мои сочинения хвалили. Такие же сочинения писали дети и даже местами прилепляли фотографии. И вот на старости лет, перебирая фотографии различных «лет», сделанные совершенно разными людьми, с которыми я тесно общался, я подумал: а не написать ли мне сочинение о лете, проведенном лет 40-50 назад? Оказалось, что некоторые события вспоминаются с какой-то тихой радостью, потому что самое плохое, как правило, забыто. И немного грустно, что «все прошло».

Самым ярким «летом» была моя поездка в Казахстан на летние работы ССО №3 в 1961 году после первого курса физфака. Так что первое мое сочинение – на эту тему. Как нас учили в школе, сначала – план.

Подготовка. Многие уклонялись. Передача КПСС, отъезд 5.07.61. Дорога 5-9,07 Каз. вокзал, теплушки, провожающие, плакаты. В.Алексеев, Полищук. Катамахин на переходн. площадке. Песни Окуджавы – Лобанов. Обстригание. Мы – за промискуитет. Все на смычку с химичками. В МЭИ ребята – во! Жара, бутылки на рельсах. Стихивание на рельсах. Вамирех догонит поезд! Проблемы с туалетами. Челябинск, Златоуст. Булаево – Молодогвардейский- с Витей Д. под лысину – вагончики неуд 216 – большая палатка – Широков с балалайкой – карты – благоустройство, погреб с Мишей Маликовым. Подъем в 6 – рок-н-ролл-Всеволодов – зарядка с Широковым – Бригада Пустошного – тельняшки и платочки – на отделение в грузовике – котлован, рожь, штукатурки. Вырыли фундамент – не так – переделка – купание с баллоном – обед во флягах – возвращение – самые бодрые с песнями – костры – бригада Алексева. Отлуп за сливки из погреба. Слава Письменный. Железные шестерни Мише под матрац – на трактор. Палатка Катамахина – ночной скандал – Швом. Гребеничиков за водку в столовой – Чиж. Катамахин о Галактионове – на каменоломню. Отъезд, дорога. Место среди степи- инцидент с шофером (Эдик Штейман)- с солью за коровой. 2 палатки. Бульдозер – бут – разные виды бута. Расклад по парам – Боб Николин – плиты на 3, 4 и по желанию частей. Комары и крем «Тайга». Вода в 50 л флягах. Дядя Витя – жирное молоко- каша без масла. Походы с Бобом в обед. Охота. Кумыс. Ночные гости, их рассказы и вопросы. Песни В.Кудрявцева. Его к Галке, бросок через голову Катамахина. Поездки Жени за продуктами, пресеч. попыток

нарушить сух. зак. Гости с Араком, предлож продать бут. Катамахин с бульдозером. Визит Ковалевой. Экспедиция за гусем, приезд Галактионова. Последние дни на каменоломне вчетвером, отъезд в совхоз. Отъезд из Булаево, мед. На физфаке после целины. Банкет. Выдача зарплаты к новому году, покупки.

Хоть было мне тогда еще совсем немного лет...(из песни)

Почему-то моя первая «шабашка» (хотя на самом деле это был третий выезд ССО) помнится лучше всех остальных. Выезд на летние работы был у нас практически «обязаловкой», по крайней мере для всех членов ВЛКСМ (а это были почти все). Отношение к этому мероприятию было сильно разным. Некоторые весь год усиленно искали удобного предлога не поехать на целину, или хотя бы поехать куда-то в другое место. Но все же большинство хотело выехать. Это были в основном ребята из общаги, наслушавшиеся восторженных отзывов о поездке на целину от старшекурсников. Таким «авторитетом» среди старшекурсников для ребят нашей группы был Юра Линде по кличке Хью. Он не только рассказывал о первой целине, но еще и пел под гитару множество песен, которые тут же усваивались и распространялись среди ребят нашего курса. Поскольку все мы общались друг с другом достаточно активно, большинство москвичей тоже собирались на целину. Для будущих строителей в МГУ проводились специальные занятия, на которых, правда, я ни разу не был. Из нашей группы поехало большинство ребят (по моему 10 человек из 15 или 16) и где-то половина девушек (5 из 10).

Не помню всех перипетий подготовки к отъезду, т.к. у меня во втором семестре было 2 «хвоста»: письменная математика и история КПСС. Свои вымученные три балла по последней я получил непосредственно перед отъездом.

Выезд был 5 июля 1961 года. Перед выходом из дома мы с братом Колей поев сарделек и запихнув шмотки в чемодан и рюкзак (в основном это были сапоги и телогрейка), двинулись на Казанский (или Павелецкий?) вокзал. Наш эшелон, состоящий из целого ряда товарных вагонов («40 человек и 8 лошадей»), стоял на запасных путях. Многие вагоны были украшены плакатами и шуточными рисунками, перрон заполнен смесью провожающих и отъезжающих, неспешно бродящих вдоль состава и рассматривающих картинки и личный состав.

Наверное были какие-то прощальные речи, но идиосинкразия ко всяческому пафосу, возникшая при недавнем болезненном штудировании истории партии, начисто заблокировала их в моей памяти, как и сам момент отправления. Первые воспоминания о дороге связаны с ощущением свободы и теплого ветра, бьющего в лицо из раздвинутой двери вагона. В вагоне с нами ехали несколько «старших»: Женя Полищук, бывший первое время главным начальником, небольшого роста, худенький, изъяснявшийся довольно многословно; Володя Алексеев, коренастый крепыш, больше молчавший, со своей подругой (или уже женой?) Лилей и Толя Широков, аспирант, тоже небольшого роста крепкий (1 разряд по классической борьбе) парень. Поезд шел медленно, с частыми остановками, во время которых народ болтался в окрестностях эшелона. При этом «старшие» совершенно не

утруждали себя проверками личного состава, да и вообще по-моему не знали точно, сколько человек и кто именно едет в нашем вагоне. Один раз только Толя заметил Юре Малюгину, вспрыгивающему на ходу уже с довольно большим опозданием, что так можно и отстать от поезда. Юра в ответ произнес коронную фразу «Вамирех догонит поезд!», после чего Широков довольно долгое время

Наш эшелон. На переднем плане почесывает затылок по-моему Володя Панов.

Саша Перов (слева) и Володя Чижиков (в шляпе) около вагона перед отправлением. Остальные по-видимому провожающие

считал, что Вамирех – это его фамилия. На одной из остановок где-то в начале пути, Катамахин предложил мне проехать следующий перегон на переходной площадке. Как только поезд тронулся, он вытащил прихваченную с собой флягу с самодельной наливкой, и мы по очереди прикладывались к ней до следующей остановки. На мое замечание о нарушении «сухого закона» Алик ответил, что Алексеев со своей кампанией только что в вагоне распивал шампанское. Я, правда, этого не видел.

Днем было жарко, и на станциях все бросались закупать газировку. Потом, при стоянке где-нибудь на перегоне между станциями, пустые бутылки выстраивали на рельсах и бросали в них камнями, подобранными с полотна. После таких стрельбищ оставалась куча осколков, но на эти бесчинства наше начальство тоже не реагировало. Иногда устраивали на рельсах игры: становились парами на рельс и пытались спихнуть соперника с рельса, стараясь самому устоять на нем обеими ногами.

Так выглядел наш «транспорт».

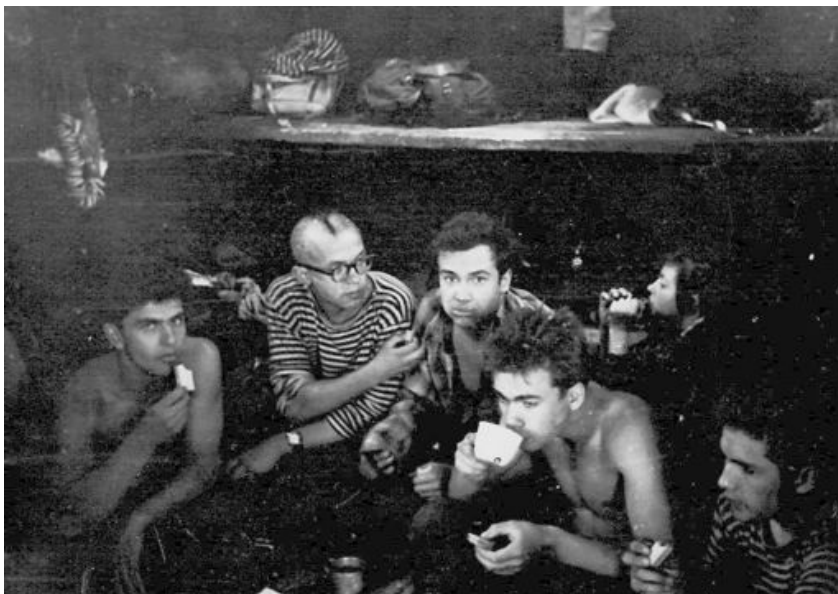
Все с нашего курса. Стоит Эдик Штейман, сидят слева: Люда Филатова (наша повариха), Любовицкая (Люба?) и Володя Чижиков. Физиономи остальных помню, но как звали – забыл.

Туалетов в теплушках, конечно, не было предусмотрено, поэтому все проблемы такого рода решались только на остановках. Двери вагонов раздвигались с обеих сторон и произносилась стандартная команда «мальчики направо, девочки налево». При остановках в безлюдной местности особых проблем не возникало (разве что вагон слишком высоко торчал над рельсами). Но в населенных местах приходилось применять сноровку и изобретательность. При этом, как говорится, каждый был сам кузнецом своего счастья. Помню, как подъехав к городу Златоусту с сильнейшим расстройством, я очень долго бегал по окрестностям вокзала, пока не нашел за каким-то ветхим заборчиком место, где приземлиться.

Почти всю дорогу Валька Лобанов, лежа на нарах, самозабвенно пел песни Булата Окуджавы. Особенно ему нравилась «Вы слышите, грохочут сапоги...». Эти песни я услышал тогда впервые, и сначала они не произвели на меня особенно сильного впечатления, но потом врезались в память и до сих пор там сидят.

Ехали мы таким манером 5 дней, и от скуки все время придумывали разнообразные развлечения. Витя Дементьев принес новое слово «промискуитет», которое почему-то всем так понравилось, что даже стали сочинять песню на манер гимна о промискуитете. Пелась она на мотив «Гоп со смыком» и заканчивалась словами «Семилетку за пять лет даст тогда наш факультет, братцы, мы за промискуитет!».

Миша Гангардт занялся парикмахерством и постриг несколько человек. Нескольких, в том числе Вальку, он сделал запорожцами, оставив на макушке чуб-оседелец. Самого себя Миша постриг под папу Карло, сделав на темени лысину. Валька получился наиболее колоритным, и, видимо предчувствуя недолгую жизнь своего шедевра, Миша очень удачно изобразил преображенного Лобанова на наружной стене вагона с надписью «Я за промискуитет». Узнав, что в нашем эшелоне едут девушки с химфака, написали на вагоне «Все на смычку с химичками!», на что наши девушки ответили надписью «В МЭИ ребята – во!». До самого Булаева «старшие» смотрели на все наши проделки сквозь пальцы. Но на подъезде к конечному пункту Толя Широков обязал всех убрать излишества, и

Чай в дороге. Ребята из нашей «неуд-16й» группы: Валера Хорбенко, Валька Лобанов, Витя Дементьев, С.Чекалин и Женя Попов.

Миша оказался обстриженным «под ноль». Валька еще некоторое время упирался, но тоже сменил свою запорожскую прическу на лысину. Срезал его чуб Юра Малюгин уже в совхозе «Молодогвардейский». Когда нас привезли в совхоз, мы с

Остановка по дороге. У вагона Валька Лобанов и Миша Гангардт, только что изобразивший Лобанова на стене вагона.

Витей первым делом разыскали парикмахерскую и тоже постриглись «под ноль». Никогда не забуду приятного ощущения при поглаживании ладонью по темечку после этой процедуры.

Обустройство нашего лагеря было уже частично проведено квартирьерами, поэтому сразу можно было расселяться. Мужская часть нашей группы поселилась в вагончике типа того, в котором ехали. Внутри были только двухэтажные деревянные нары, на которые мы положили набитые соломой матрацы. После этого в вагоне можно было только лежать на нарах – больше места практически не оставалось. Поскольку ребята нашей группы составляли большинство населения вагончика, и мы считались уже второкурсниками, изобразили мелом на наружной стене крупную надпись «неуд-16», обозначавшую номер нашей 216-й группы. Таких вагончиков на территории нашего отряда было 5 или 6. Рядом с нашим стояла большая шатровая палатка, в которой поселились Володя Алексеев с Лилей, Женя Полищук и Толя Широков, который иногда появлялся с балалайкой. Правда, я ни разу не слышал, чтобы он на ней играл. В первый же день мы с кем-то из ребят сели на солнышке поиграть в подкидного дурака. Не успели раздать карты, как

Общий вид на вагончики.
Наш – самый правый.

Толя возник рядом и тихо, но твердо сказал, что карты и любые игры с ними в отряде запрещены. Пришлось надолго убрать.

Первые дни занимались обустройством: кухни, столовой и проч. Мы с Мишей Маликовым рыли яму для отходов, потом копали погреб. И все время вертелась мысль: сколько же мы заработали? Я даже надоумил Мишу спросить об этом у Широкова, и он спросил. Не помню, что ответил Толя, но очень удивился.

От скуки в первые дни забавлялись шутками в основном над Мишей Маликовым. Как-то положили ему под матрац кучу здоровых стальных шестеренок, специально собранных по окрестностям: «Это Мише на трактор!»

День в лагере начинался с подъема в 6 утра, когда Коля Всеволодов, исполнявший функции радиста, включал рок-н-ролл и над степью гроыхало «One, two, three, four, five...» и т.д. Под эту бодрую музыку Толя Широков строил ежившийся от утреннего холода отряд на зарядку и сам же ее проводил. После этого следовало умывание (воду нам возили в цистернах), построение с поименной переключкой в алфавитном порядке (до сих пор помню, что после меня шли Шварц, Швом...), завтрак за грубо сколоченными длинными столами и отъезд на работу. Рабочих бригад у нас было несколько – по числу объектов. Нашу неуд-16ю группу распределили по разным бригадам: Володя Колосов, Миша Гангардт и Витя Дементьев работали у Алексеева, Катамахин – у Тамары Гавриленко. 6 человек, в том числе и я, попали в бригаду Володи Пустошного, нашего одноклассника, с которым мы выступали за сборную МГУ по пулевой стрельбе. Еще в бригаде были Валька Лобанов, Женя Попов, Валера Хорбенко и Юра Малюгин, которого звали Вамирехом. За несколько недель работы мне так и не удалось понять, какой же объект мы собирались построить. Из того объема работ, что нам удалось за это время выполнить, можно заподозрить, что это должен был быть жилой домик. Объект находился «на отделении» километрах в 12 от нашего лагеря. Каждое утро

после завтрака наша бравая шестерка загружалась в кузов грузовика и по жутким

С / х
«Молодогвардейский».
На только что набитом
соломенном матраце
около нашего
вагончика: Витя
Дементьев, Володя
Колосов и С.Чекалин.

степным колдобинам и грязи ехала «на отделение». Уже после первых сеансов все довольно быстро сообразили, что ехать лучше всего, стоя у кабины и держась за ее крышу или за борт. Наш бригадир очень любил петь и обладал мощнейшей глоткой, остальные всегда с удовольствием готовы были поддержать Володю. Так что ездили мы на работу, на обед и обратно всегда с громкими песнями. Вся бригада была в тельняшках, а потом Юра Малюгин сделал из куска полосатой красно-белой материи шейные платки всем, так что мы были похожи на заправских пиратов и таковыми себя и ощущали. Поэтому в нашем репертуаре было много пиратских и морских песен.

«Отделение», или точнее место, где мы выгружались, оказалось совершенно голой степью. В одну сторону тянулось большое поле ржи, с другой виднелся недостроенный домик, на котором работали молодые девицы с Украины – штукатурили стены. Наши пытались иногда с ними перекрикиваться, но расстояние было великовато. Больше всех старался Валька, особенно в те моменты, когда я отходил в рожь, и оттуда виднелась только моя белая курортная войлочная шляпа (как у Утесова в фильме «Веселые ребята»). Жестикулируя руками, он пытался всячески комментировать мои действия.

Но самым замечательным на «отделении» был большой котлован, заполненный водой, в который мы сразу полезли купаться. На берегу лежал надутый баллон от грузовика. Когда вся бригада залезла в воду, баллон использовался в качестве плавсредства. Я ни в коем случае не могу сказать, что мы не хотели работать. Более того, все мечтали о зарплатке и готовы были пахать с утра до вечера. Но отсутствие широкого фронта работ было бичом всех первых ССО (и не только первых!), и наш

отряд не был исключением. По-видимому единственным человеком в нашей бригаде, как-то посвященным в то, что нам предполагалось делать, был наш бригадир, Володя Пустошный. Он долго изучал какой-то план, нарисованный на

На «отделении» около любимого котлована. Валька Лобанов и С.Чекалин. Сзади в воде просматривается наше «плавсредство». Жизнь хороша!

бумаге, потом что-то обсуждал с начальством и, наконец, дня через три мы что-то измерили рулеткой и вбили колышки. Потом привезли лопаты и начали дружно рыть траншеи, видимо под фундамент. Земля была черная и довольно мягкая, так что мы вырыли все очень быстро. Работа нас раззадорила, и все рвались дальше в бой, но...Еще дня через три ожидания, что делать дальше, Володя, рассматривая уже в который раз свой план, вдруг сказал, что траншею мы выкопали неправильно. Каким-то непостижимым образом она оказалась зеркальным отображением того, что надо было сделать. Дальнейшая работа по закапыванию вырытой траншеи, забиванию колышков и копке новой шла уже без прежнего энтузиазма, но все равно была закончена довольно быстро. Я так и не узнал, что предполагалось делать дальше, но отлично помню купанье и морские бои с захватом баллона на котловане, разучивание песен и наши бодрые выезды на работу и возвращения в совхоз с песнями. На обед нас возили только вначале, потом еду стали привозить в больших флягах прямо к котловану. Так что можно было спокойно отдохнуть после обеда, не боясь упустить отходящий грузовик. Погода была отличная, все хорошо загорели и оздоровились. Хор нашей бригады всегда задавал тон у вечерних костров – шесть спевшихся глоток могли заглушить любого. Свежий воздух и купанье сильно возбуждали аппетит, так что все блюда и добавки поглощались мгновенно. Однажды бригада, ощущавшая себя несколько недоевшей, послала меня в погреб за

сливками – они хранились там в большой 50-литровой фляге. Я спустился в погреб, зачерпнул кружку сливок, густых, как хорошая сметана, и уже собирался вылезать, как вдруг сзади меня оказалась Люда Филатова, наша повариха. Разойтись в узком проходе было нельзя, и маленькая Люда стала лупить меня половником по затылку. Конечно, повопила немного, но обошлось. Больше я в погреб не лазил.

Как обстояли дела с фронтом работ в других бригадах, я не знаю. Но, судя

Нашу бригаду привезли на обед в «Молодогвардейский». Слева направо: Женя Попов, С.Чекалин, Володя Пустошный (бригадир), Валера Хорбенко и Юра Малюгин (Вамирех).

по Катамахину, у Тамары Гавриленко тоже особенно не надрывались. Бригада Алексеева работала помногу, чуть ли не по 18 часов. Однажды я проходил мимо их объекта (они работали в совхозе) и видел стоявших с лопатами Витю Дементьева и Мишу Гангардта. Они смотрели куда-то вдаль с тупым безразличием, не замечая меня, и даже не откликнулись на мое бодрое приветствие. По-видимому они уже сильно устали, то ли от работы, то ли от безделья.

Несколько раз видел в нашем отряде Славу Письменного– высокого и худого длинноволосого парня в очках. Лицо его было всегда озабоченным и вместе с тем отрешенным от всего земного, как у какого-нибудь небожителя, а голоса его я ни разу не слышал. Тогда я еще ничего не знал о его трудном детстве, и он мне казался несколько странным. Но девушки говорили о нем с уважением: «Вот, большой ученый, аспирант, а поехал сюда работать». Скорее всего Слава не был постоянным членом нашего отряда, т.к. являлся тогда начальником гораздо большего масштаба.

Вечерами часто собирались у костра в степи неподалеку и пели песни. Разжигал костер обычно Азим Рустамов, темноволосый и немногословный (тогда!) узбек, который работал на бетономешалке. Помню, как он складывал сначала палочки «домиком», а потом уже, когда «домик» разгорался, начинали подкладывать более серьезные дрова, которые приходилось носить от нашего лагеря, т.к. в степи ничего похожего на дрова не попадалось. Азим казался тогда мне сильно взрослым, и потом я сильно удивлялся, когда узнал, что он с нашего

курса. Пели очень хорошо, причем вначале в основном старшие, знавшие много песен. Здесь выделялся Толя Широков, обладавший хорошим слухом и приятным, хотя и негромким тенором. Я очень быстро запомнил практически все песни, среди которых было очень много раннего Окуджавы. Иногда пили чай, приготовленный на костре. Ничего более крепкого не употреблялось.

Хотя по рассказам предыдущих поколений у них сухого закона не было, у нас он соблюдался очень жестко. Его нарушение каралось отчислением из отряда и отсылкой домой. Это, в свою очередь, влекло за собой автоматическое исключение из комсомола, после чего с необходимостью следовало отчисление из МГУ. В песне, звучавшей в нашем отряде, правда, были такие слова:

«Сухой закон на карты
И на вино сухой
Сухие вина прячем
У штаба за спиной...».

Но я совсем не уверен, что так было. У нас был один случай, когда студента геолога (кажется, его фамилия была Гребенщиков) отчислили из нашего отряда за то, что в совхозной столовой он согласился выпить водки, предложенной кем-то из местных. По этому поводу у нас было собрание отряда, и многие, зная последствия отчисления, пытались приводить какие-то доводы в защиту пострадавшего. Помню, как Володя Чижиков развивал идею, что Гребенщиков помог местному не упиться, приняв на себя какое-то количество его водки. Были и более здравые суждения, но устав есть устав, и парня отчислили.

Теснота и духота в нашем вагончике сделалась совершенно невыносимой. У Алика Катамахина была прихвачена с собой палатка (подозреваю, что казенная из турклуба МГУ), которую после утряски с начальством он поставил недалеко от вагончика. Переселились в нее втроем: я, Женя Попов и Алик. Жить стало легче, но это переселение едва не обернулось для нас большими неприятностями.

Однажды вечером, когда все уже улеглись, в вагончике стоял обычный предсонный треп и обмен мнениями. Поскольку мы еще только недавно покинули вагончик, то естественно обсуждалось и это событие. Иногда звучали и укоры в наш адрес, что мы, дескать, покинули родной коллектив «неуд-16» и обуржуазились в своей палатке. Были и личные выпады, но все шло сонно и мирно, пока кто-то не обозвал нашу палатку «недодутым презервативом». После этого началась словесная перепалка между палаткой и вагоном, переросшая в громкую дискуссию, изобилующую далеко не парламентскими выражениями типа «х... с ушками» или «п... с рожками» и т.д. Через некоторое время из большой палатки начальства, стоявшей буквально в нескольких шагах, раздался крик Лили Алексеевой «Заткнитесь, пижоны!». Все стихло на несколько секунд, и вдруг в этой тишине из вагончика донесся долгий и пронзительный вопль «Бля-а-а-а-дь!» (по-моему это был голос Юры Малюгина). Это не было реакцией на замечание Лили и, конечно, вообще не относилось к ней. Скорее всего исполнитель просто набирал в легкие воздух и потому вовсе не слышал крика Лили. Этот запоздалый вопль оказался последней каплей. В вагончике было слишком много народу, поэтому репрессии,

естественно, обрушились на нас. Нас троих срочно вызвали в штаб. Мы как были в одних трусах пришли в штабной вагон, где сидели Полищук, Широков и Фима Швом, который был тогда большим начальником и оказался в этот день в нашем отряде. Говорил в основном Ефим, мы что-то мычали в оправдание и каялись. Речь шла о том, чтобы нас прямо сейчас отправить в Москву. Сейчас понятно, что Фима хотел нас просто хорошо припугнуть, но тогда я видел его в первый раз, и эти слова воспринимались вполне серьезно. А о последствиях такой отправки я уже упоминал. В конце-концов нас отпустили в палатку с обещанием, что «если только..., то сразу...».

В следующие несколько дней мы постоянно ощущали над собой этот дамоклов меч, и было как-то неуютно, даже не пелось по вечерам. Но тут вездесущий Катамахин предложил уехать на каменоломню с Галактионовым, который как раз сейчас набирает людей в бригаду. Валера Галактионов оказался здоровым немногословным парнем, который на первой целине уже работал на добыче бута. Он набирал в бригаду крепких парней, а Алик напел ему, что мы чуть ли не члены сборной МГУ по самбо. Да мы и в самом деле на здоровье не жаловались, так что Галактионов записал нас в свою бригаду. Еще Алик почему-то решил, что Галактионов и выпить не дурак, так что на каменоломне нас ждет вольготная жизнь вдали от штаба и прочего начальства.

Валера Галактионов

В кузове грузовика перед отъездом на каменоломню. Слева направо: Боб Николин (в очках), Галка Шумилова, Володя Кудрявцев, С.Чекалин, Женя Попов, Алик Катамахин, Эдик Штейман и Саша Перов. Повернувшийся затылком Фищук попал в кузов случайно.

В бригаду набрали 11 человек: 6 с нашего курса и 5 «стариков» с галактионовского. Поварихой взяли нашу однокурсницу Галку Шумилу. Сероглазая с темнорусой косой Галка была типичной русской красавицей. Она приехала в Москву из Белово с Кузбасса поступать во ВГИК, но не прошла по конкурсу и поступила на физфак. С нашего курса были еще Эдик Штейман, высокий улыбчивый парень с чуть курчавой шевелюрой и флегматичный Саша

Перов. Из стариков поехали Саня Старцев, небольшого роста, худенький, всегда поглядывающий с какой-то полуехидной улыбкой, Владик Полторацкий, долговязый и добродушный хохол с неизменной кепкой на голове, маленький коренастый штангист Боб Николин и Володя Кудрявцев, душа компании, знавший огромное количество песен и романсов и прекрасно их исполнявший. Высокий и красивый, с улыбкой мартовского кота, он считал себя неотразимым покорителем женских сердец.

Нас погрузили в бортовую машину, которая понеслась по степным ухабам в Кокчетавскую область. По дороге заехали в какой-то аул – хотели купить кумыс. Саша Перов долго объяснялся с местным аксакалом с козлиной бородкой, но дальше взаимных приветствий и улыбок дело не пошло.

Наконец, часа через три изнуряющей тряски, прибыли. Ничего примечательного, голая степь на все четыре стороны. Пока подбирали место для палаток, шофер куда-то ушел. А надо было подогнать машину поближе, чтобы не таскать лишнего. Эдик залез в кабину – ключи были на месте – завел мотор и стал сосредоточенно изучать схему переключения скоростей, изображенную около рычага. Но тут вдруг появился матерящийся и размахивающий руками шофер, велел все выбросить из кузова и уехал. Пришлось таскать вещи вручную.

Разожгли костер, поставили палатки: маленькую для Галки и две больших шатровых для всех остальных. Вдруг невдалеке появилась темнорыжая корова,

Обустройство лагеря по прибытию на каменоломню. Наша палатка уже почти стоит. Эдик Штейман, Боб Николин (отвернулся), Галка Шумилова. Зад на авансцене, похоже, Алика Катамахина.

которую немедленно решили подоить. Вряд ли кто-то знал, как это делается, но мы схватили ведро и направилась к корове. Скотина была явно не расположена вступать в какие-либо контакты и, помахивая хвостом, двинулась в другую сторону. Алик закричал: «Коровы любят соль, надо приманивать ее солью!». Под ногами как раз валялся невесть откуда взявшийся соляной кирпич. Ласково помахивая кирпичом, мы опять двинулись к корове, но животное лишь ускорило темп. Побегав за коровой с четверть часа по буеракам, все здорово согрелись. Наконец, решив, что корова уже сильно разнервничалась и потому молока все равно не даст, бросили кирпич и прекратили гонки.

На следующий день пришло целое стадо, и мы познакомились с пастухом. Это был высланный в Казахстан молдаванин, уже довольно пожилой. Жил он недалеко от наших палаток в маленькой хибарке. Во время спокойной беседы с нами дядя Витя (так звали пастуха) иногда вдруг громко щелкал кнутом и резко выкрикивал что-то своим подопечным – обязательно матом, по-другому они не

Лагерь каменоломов

понимали. Он рассказал, что коровы у него не доятся, так как молоко девать некуда. Однако по случаю нашего прибытия принес кастрюлю молока. Оно было таким жирным, что в сваренную из него кашу не надо было добавлять масло. Дядя Витя часто заходил к нам, приносил молоко, давал очень дельные советы и беседовал с нами о жизни. Но из этих разговоров мы так и не смогли понять причин его высылки из Молдавии, и я подозреваю, что он и сам не знал их

У Галкиной палатки.
Галка Шумилова,
Володя Кудрявцев
(как всегда), дядя
Витя.

наверное. Недалеко от его жилища был источник, из которого мы брали воду. Помню, что по молодости без особого труда не раз приносил на заливке пятидесятилитровую флягу воды.

Перед отъездом из совхоза каменоломня представлялась мне сырым и мрачным подземельем, слабо озаренным пробивающимся откуда-то светом. Совершенно ровная степь, покрытая сохнувшей на яростном солнце травой, не имела ничего общего с этой картиной. А камень лежал прямо под этой травой, иногда выступая наружу. Для начала несколько участков в степи расковыряли бульдозером до бута, а потом уже мы этот бут добывали и складывали вокруг. Приезжавшие из совхоза грузовики забирали камень.

Работали парами – каждая на своем карьере. Интересно, что, хотя карьеры находились всего в нескольких десятках метров друг от друга, бут в них был совершенно разный, и, соответственно техника его добычи различалась. У Старцева с Полторацким он лежал большими глыбами, не связанными между собой. Ребята подолгу раскачивали каждую глыбу, потом выволакивали на поверхность. А у нас с Бобом Николиным камень лежал ровными косыми слоями. Мы забивали клинья под очередной слой и через некоторое время ломали или

Бут

вагой выламывали здоровый кусок плоской плиты. Чаще всего этот кусок приходилось раскалывать на части кувалдой, так как иначе он был совершенно неподъемным даже для штангиста Боба. Через некоторое время я так преуспел в этой операции, что мог одним ударом раскалывать плиту по желанию на 2, 3 или 4 части. Дядя Витя оказал нам неоценимую помощь в освоении различных технологий добычи камня. Кроме устных советов, он всегда показывал, как

делается то или иное движение, приносил клинья, ваги, и всегда помогал в трудных случаях собственными руками.

Сначала работа шла довольно медленно, но потом мы выучились и стали заваливать бутом все пространство вокруг карьера задолго до прихода грузовика. Дефицит грузовиков освобождал много времени. Стали устраивать долгий обеденный перерыв, чтобы не работать в самую жару. В такие перерывы все в основном дремали на солнышке, а мы с Бобом ходили на небольшое соленое озерцо за несколько километров и купались, хотя воды там было по колено. Боб говорил, что после таких прогулок по жаре мы с ним к концу работы станем стройными, как олени. В периоды вынужденного бездействия Алик Катамахин

Работа на карьерах. Слева Боб Николин и С.Чекалин, справа Эдик Штейман

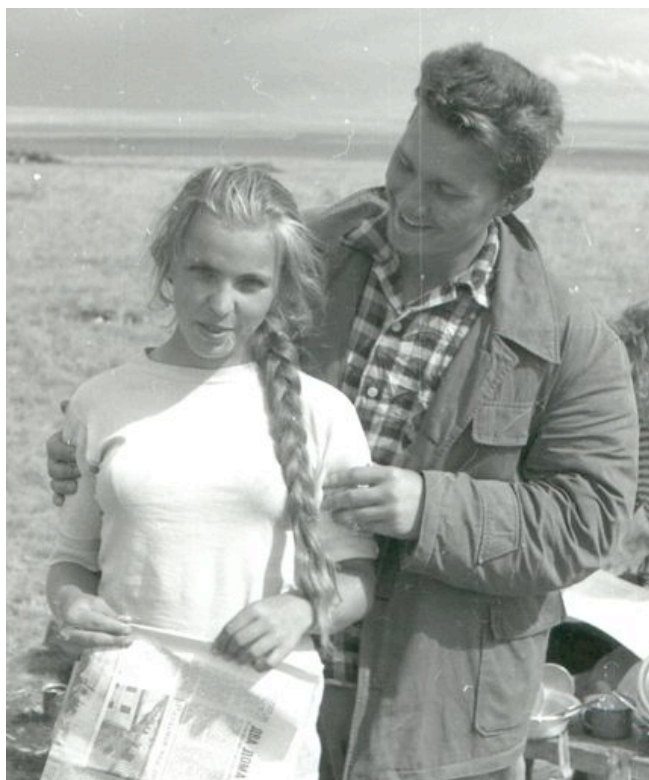
осваивал бульдозер, громыхая на нем между карьерами, а его напарник Володя Кудрявцев подсаживался беседовать к Галке со своей масляной кошачьей улыбкой. Может быть Галке это нравилось, но остальным не очень, так как народу у нас было много, а Галка одна. Однажды на этой почве Катамахин повздорил с Володей и даже продемонстрировал свою самбистскую выучку, бросив Кудрявцева через голову, после чего тот слегка приутих.

Вечерами сидели у костра и пели. Здесь, конечно, королем был Кудрявцев. Он одинаково хорошо исполнял песни из самых разнообразных репертуаров: от уголовной лирики, народных, бардовских и агитбригадских песен до классических арий и романсов. Тогда у меня была очень хорошая память, и я практически сразу запоминал все, что он исполнял.

Однажды в начале августа мы, сидя у костра вечером, наблюдали на горизонте какое-то странное мерцающее зарево, сопровождавшееся глухим гулом. Долго гадали, что бы это могло быть. Позже мы узнали, что как раз в это время в Казахстане происходил запуск второго космонавта – Германа Титова.

Иногда к нашему костру подсаживались разнообразные случайно проезжавшие мимо люди, что-то рассказывали, некоторые даже подпевали нам.

Интересно, что абсолютно все, посидев с нами некоторое время, задавали в разной форме один и тот же вопрос, суть которого сводилась к следующему: «Вас тут

Володя Кудрявцев охмуряет Галку. Галка колеблется.

десять мужиков и одна девушка. Как же вы с ней живете?». При этом в слово «живете» вкладывался вполне определенный смысл. И в то, что мы с ней никак не «живем», никто не верил - это просто не укладывалось у них в мозгах.

Комаров было великое множество, причем самых разнообразных цветов и размеров. Каждый вид сбивался в свою тучу, и можно было наблюдать выющиеся рядом облако рыжих (те были особенно большого размера) и темное более мелких (но очень ядовитых!). Спасались от них либо диметилфталатом, который был очень едким, и не дай бог попасть в глаз, либо кремом «Тайга» в тюбиках, из которых было очень удобно мазать постриженную «под ноль» голову. Однажды я забыл

завинтить крышку тюбика, а через некоторое время с изумлением обнаружил нескольких комаров, жадно присосавшихся к крему. На самом деле единственным спасением от этих тварей был поднимавшийся иногда ветерок, который к тому же сильно уменьшал наши страдания от жары.

Еще одной напастью были мухи, нивесть откуда взявшиеся, как только появилась кухня. Они доставали нас во время полуденного отдыха, а ночью собирались в самом теплом месте вблизи вершины палатки. Валера Галактионов решил их извести и как-то вечером залез с зажженной свечой на нары и стал поджаривать мух в вершине палатки. Последствия были плачевными – у большинства насекомых обгорели крылья, и, когда они ползали по нашим физиономиям, их невозможно было согнать просто мотнув во сне головой. Одна однокрылая тварь заползла мне в ухо и долго зудела там своим оставшимся крылом, безуспешно пытаясь взлететь.

Однажды нас посетила Света Ковалева, приехавшая из совхоза с одним из грузовиков. Пока грузили бут, она успела только поздороваться, оглядеть наше скудное хозяйство и немного поболтать с Володей Кудрявцевым.

Завал камней вокруг наших карьеров и слишком редкие визиты грузовиков, вывозивших бут, сильно сдерживали нашу работу. Многих это огорчало, так как, помимо всего прочего, студентам хотелось и заработать. Как-то приехали покупатели с бутылкой «Арака» (местная водка) и долго беседовали с Галактионовым, склоняя его продать бут. Но, к неудовольствию большинства, Галактионов остался непреклонным, а «Арак» нераскупоренным.

Наши продукты не отличались большим разнообразием, да и количеством тоже. У Галактионова была какая-то сумма казенных денег, и Женя Попов, видимо как самый представительный мужчина, был отправлен с попутным грузовиком за продуктами в Щучинск. Несколько раз он привозил в небольшом рюкзаке хлеб, какие-то консервы и даже однажды привез бутылку вина, за что получил нагоняй

Изголодавшийся после очередной экспедиции Женья Попов подкрепляет силы на кухне.

от Галактионова. Правда, я не знаю, что стало с этой бутылкой. Обычно такие выезды занимали один-два дня, после которых Женья рассказывал об увиденных им окрестностях, а мы с завистью слушали. Он рассказал об очень красивом месте – курорте Боровое, и сказал, что мы находимся как раз в третьей вершине треугольника, если в две первых поместить Щучинск и Боровое.

Однажды у нас откуда-то появился кумыс, на который все с жадностью набросились. Как сейчас помню, что был он в широкогорлой темнозеленой канистре. Мне запах кумыса не понравился, а он оказался таким стойким, что после кумыса еще очень долгое время было противно пить компот из той же кружки, хотя и тщательно вымытой.

Любимым развлечением нашего бригадира была игра в блиц – для этого были даже специально привезены шахматы и часы с кнопками, в которые во время партии игроки судорожно тыкали пальцами и фигурами. Правда, играли всего трое – кроме Галактионова, еще Саня Старцев и Владик Полторацкий. Остальные дрыхли на солнышке или пытались заняться своим туалетом. Владик и Саша Перов даже регулярно брились, используя довольно громоздкое сооружение из березового пня, молотков и других подручных средств для размещения крохотного осколка зеркала и брочих бритвенных принадлежностей.

Казенные деньги закончились, а съесть что-нибудь более питательное, чем гречка и пшенка, все время хотелось. Как-то дядя Витя сказал, что в окрестностях много диких уток. У него была малокалиберная винтовка, которую он одолжил нам на пару часов для охоты. Винтовку дали мне, как члену сборной МГУ по стрельбе.

Наш бригадир Валера Галактионов спешит на партию в «блиц».

Очередная встреча Галактионов - Полторацкий

Дядя Витя дал 3 патрона и махнул рукой в ту сторону, где должны быть утки. В обеденный перерыв я двинулся в сторону озера. Не помню, в кого я стрелял первым патроном, но скорее всего не попал. А около озера метрах в пятидесяти я увидел птицу, которая показалась мне уткой. Я залег в траве и стал тщательно прицеливаться. Бах! – и опять промах. Последний патрон я выцеливал очень тщательно и несколько раз затаивал дыхание прежде чем нажать на спуск. Выстрел оказался удачным – птица клюнула носом в воду, как мишень в тире где-нибудь в парке культуры. Но когда я подошел и увидел свою добычу вблизи, то плюнул и выматерился от огорчения. Птица оказалась вовсе не уткой, а маленьким

длинноносый куличком, размером чуть больше воробья. Выстрел, правда, был отличным – пуля перебила шейный хребет (потому нос и клюнул в воду). Я принес

Саша Перов бреется

куличка к костру, где мы его, конечно, съели. Правда, без всякого удовольствия, так как мясо еще имело болотный запах. Больше охотой не занимались – патроны у дяди Вити были в большом дефиците.

Наш дорогой начальник Валера Галактионов уже почти неделю, как уехал в совхоз за продуктами. У нас оставалась одна пшенка, которую Галка варила с солью, поскольку сахара уже не было. Смотреть на эту пшенку было тоскливо, а есть противно, но это был единственный источник нашего пропитания. Работали мы, правда, без особого напряжения, т.к. грузовиков приходило мало, и все вокруг карьеров было завалено бутлом, так что и складывать его было некуда.

Как-то после очередного обеда возникла мысль, что пора бы где-то чем-то разжиться, в смысле пожрать. Катамахин предложил сходить в «партию», которая по его словам находилась в 8 км., и попробовать добыть там гуся (естественно не дикого). Я не знаю, откуда у Алика были такие сведения насчет «партии» – вокруг до самого горизонта виднелась лишь голая степь. Может быть, что-то ему говорил дядя Витя, или от шоферов. Но идея про гуся понравилась – после пшенки с солью воспоминания о когда-то съеденных жареных гусях с темной пупырчатой кожей очень разбередили.

Не откладывая в долгий ящик начали собираться втроем – Алик, я и Женя Попов. Взяли какой-то мелкий рюкзачок и инструмент для истребления гусей. Из такого инвентаря под руку попался только случайно приблудившийся большой напильник, скорее всего забытый трактористом. Я сделал еще один убойный инструмент – вбил толстый гвоздь в короткую увесистую палку. Как раз в это время пришел самосвал за бутом, и мы попросили шофера подвезти до «партии».

Езда в кузове МАЗа, доверху нагруженном бутовыми глыбами, по степным колдобинам – это сушая находка для экстремалов. Движения наших тел среди неуютного каменного хаоса наверное сильно напоминали перемещения тонко нарезанного картофеля на сковородке, вращаемой и время от времени встряхиваемой рукой опытного повара, чтобы ломтики перевернулись и лучше перемешались с толстыми кусочками колбасы. Гастрономические аналогии первыми приходят в голову, потому что кушать очень хотелось. Где-то через полчаса такой тряски среди бутовых глыб под аккомпанемент визжащих и скрипящих деталей грузовика, сопровождаемый непрерывным многоэтажным матом и потиранием ушибленных конечностей, мы выгрузились на окраине какой-то довольно большой деревни. Как ни странно, все были живы, и даже инструмент не растеряли.

Гусей мы увидели сразу. Они бродили вокруг пруда посреди деревни и иногда радостно гоготали, видимо предвкушая, как им будет щекотно, когда станем их ощипывать. Но отходить от водоема они не собирались, а у самого пруда

стоял старый казах в высокой шапке, задумчиво глядя в воду. Плотно полюбовавшись на предмет наших грез, решили дождаться темноты.

Отошли в небольшую рожицу, где все было пронизано монотонным зудением голодных комариных самок. Сначала мы их беспорядочно хлопали на своих и чужих конечностях. Потом ожидание стало невыносимым, и мы договорились, что как только каждый убьет по 283 комара, двинемся к пруду. Плановое истребление комаров сначала шло довольно споро, но когда до заветной цифры осталось по сотне не умерщвленных еще особей на каждого, процесс застопорился. Мы вертели головами во все стороны, высматривая потенциальные жертвы, но количество летучих кровососов так сильно уменьшилось, что на каждого бросались втроем, ожесточенно споря, чье это насекомое.

Наконец, искомые показатели были достигнуты, и мы уже в сумерках двинулись к пруду. К досаде нашей на суше не осталось ни одной птицы – все плавали. Решили попытаться выгнать несколько штук на берег и там уже с ними разбираться. Задача казалась несложной, и я пошел в воду, не снимая одежды, чтобы не быть искусанным комарами. Женя с Аликом, вооруженные одним напильником на двоих, поджидали на другом берегу, а я двигался к середине пруда, размахивая своей дубинкой с гвоздем на конце.

Уже стемнело, и видны были только белые пятна, плывущие в разные стороны. Когда я зашел в воду по колено, водоплавающая масса, нисколько не собираясь выходить на берег, начала огибать меня справа и слева, заходя в тыл. Я двинулся быстрее, они тоже ускорились, тревожно попискивая. Когда я уже был

почти по горло в воде, впереди осталось только три плавающих белых комка – два больших и один маленький. Судя по всему, они готовились произвести тот же маневр и только уточняли, кто поплывет слева, а кто справа. Мелькнула была мысль не трогать мелкого утенка, но голод и охотничий инстинкт победили, я рванул к этой последней троице, как на финишную ленточку, и метнул в них свое орудие. После этого одна из птиц (как выяснилось позже, это была утка) выскочила на берег. Тут же на нее рухнул всей своей тушей Женя Попов с напильником в руках. Утка пыталась убежать с диким ораньем, но я уже выскочил из воды и в коротком броске поймал ее за шею правой рукой.

По всем канонам дальше полагалось сворачивать птице шею, но процедура оказалась совсем не так проста, как пишут в занимательных романах. После первой бесполезной попытки выполнить это действие буквально (я повернул ей голову ровно на 360 градусов!) вспомнился вдруг авиамодельный кружок на станции детского технического творчества, куда я несколько раз заходил в детстве с братом. Я стал вращать голову указательным пальцем левой руки против часовой стрелки, как авиамоделист, заводящий резиномотор, используя нос утки в качестве лопасти пропеллера. При этом она не переставала неистово орать. В этот момент на дороге появился грузовик, осветивший нас фарами. Мы рванули в темноту к какому-то сараю. На бегу я продолжал бешено вращать шею утки, но подлая птица не замолкала. Пришлось достать перочинный ножик, случайно оказавшийся в кармане Катамахина. Перерезать горло оказалось довольно трудно, как физически, так и психологически (жалко птичку!), но после этого, наконец, все смолкло.

Кинули утку в рюкзачок, но перед тем, как тронуться в обратный путь, выжали мою ватную телогрейку. Оставшись голым на комарином беспределе я вынужден был исполнить что-то вроде рок-н-ролла, держась руками за ватник и судорожно дергая остальными конечностями. Напялив после окончания процедуры телогрейку, вздохнул, наконец, с облегчением, но тут же какой-то сильно раздраженный комар ухитрился укусить меня сквозь телогрейку (видимо по шву) после чего я на некоторое время потерял веру во все человеческое.

Было довольно прохладно, и, чтобы окончательно не задубеть, мы быстро куда-то двинулись по дороге. Пытались даже что-то петь типа «Раз пошли на дело...». С дальнейшими словами, правда, были сильные разночтения: Женя пел «я и Серж Чекалин, взяли Катамахина с собой», Алик «взяли Женю Попова с собой», мне же последовательность перечисления персонажей была до лампочки, т.к. третьим номером я в этот ритм не вписывался при любом раскладе.

Распевая так, мы вышли из зоны слабой освещенности от огней деревни и оказались в полной темноте. Дорогу совершенно не было видно и приходилось время от времени щупать ее подошвами, чтобы не сбиться. Шаркая таким образом ногами, мы довольно шустро продвигались вперед, согреваясь в движении. Вдруг тень идущего чуть впереди Жени нырнула куда-то вниз, исторгнув несколько не вполне печатных выражений. Потом Женя поднялся, потирая ушибленную ногу, и добавил еще несколько предложений, описывающих воронку, в которую он свалился, потерянную дорогу, эту гребанную степь и нас всех вместе взятых.

Мы еще пару минут посидели в бурьяне и решили попробовать найти дорогу, если она еще поблизости. Правда, было совершенно непонятно, в какую сторону идти по ней в случае удачных поисков. Ощупывать окрестности отходили по одному, подавая друг другу звуковые сигналы, но, как поется в песне «искали рьяно мы, но ничего, конечно, не нашли». Тогда знаток географии Катамахин задрал голову и стал искать неведомые нам с Женей звезды. Мы тупо молчали, т.к. для нас было *terra incognita* как определение сторон света по звездам, так и направление, в котором надо было идти к нашему лагерю. Он еще некоторое время соображал, глядя то в небо, то в темноту вокруг, потом произнес несколько фраз, изобилующих словами «вроде», «кажется» и «наверное» и неуверенно махнул рукой в том направлении, куда нам по его мнению полагалось идти. Алик несколько раз ходил в воскресные походы с туристской секцией, поэтому его авторитет в области ориентации на местности был непререкаем. Двинулись в указанном направлении, стараясь не угодить в какую-либо очередную неровность местности.

Шли всю ночь. На горизонте в темноте иногда возникали какие-то призрачные свечения, явно не гуманоидного происхождения. Вспоминались огни святого Эльма и кошмары, с ними связанные. В предрассветных сумерках стало повеселее, особенно, когда наткнулись на какое-то сооружение, которое мои спутники почему-то называли «отарой» или «гуртом». Но там действительно оказались пастухи, которые знали наш лагерь и указали точное направление. Мы прошли еще пару километров куда-то вбок и, как мираж в степи, увидели на горизонте долгожданные палатки.

Перед тем, как задряхнуть, помогли Галке ошципать утку. В голом виде она казалось совсем крошечной. Но что было самым поразительным - в утке оказалось две дырки: одна в голове от гвоздя на моем бумеранге, а вторая, рваная и сквозная через все туловище, - явно от напильника. Такая меткость и кучность попаданий казалась (да и до сих пор кажется!) мистической.

Галка ухитрилась наскрести по сусекам горсть риса и сделать из утки два блюда: суп и второе. Когда изголодавшаяся каменоломная братия сжевала все косточки и выскребла миски, в степи появился грузовик, в кабине которого рядом с шофером торчала кудрявая физиономия нашего бригадира. Хотя съеденное действовало умиротворяюще, бригада двинулась к подъезжавшему грузовику, агрессивно потирая руки. Галактионов, однако, не зря провел свои детские годы в суворовском училище. Обретенный там жизненный опыт вместе с природным инстинктом самосохранения подсказали ему единственно верное решение – открыв дверцу, Валера выставил перед собой большой куль с привезенной провизией.

Под радостные крики бумажная оболочка была мгновенно порвана, и начался всеобщий пир. Хватали и тащили в рот все, что попадалось под руку. Боб Николин, бодро распевая «Я Хрущева не боюсь, я на Фурцевой женюсь» и т.д., за два куплета опростал три банки сгущенки и стал открывать четвертую. Нездоровый блеск в его глазах внушал опасения, но мне удалось тормознуть Боба, пользуясь его расположением ко мне, как к партнеру по карьере.

К этому моменту Валера уже объявил, что на карьерах решено оставить только четверых, а остальных отправить в совхоз на этой же машине. С нашего курса оставляли только меня, более того, еще и на должности внештатного завхоза. Поэтому пришлось извлечь из-под толпы своих жующих сотрудников сильно потрепанный куль с остатками продуктов и спрятать его.

Некоторым очень не хотелось уезжать. Володя Кудрявцев даже куда-то исчез, чтобы грузовик уехал без него. Но Галактионов был неумолим – отправили со следующей машиной.

Последняя неделя работы на каменоломне кажется райской жизнью, хотя на мне висели обязанности завхоза и повара. Работали мы двумя парами – я с Галактионовым и Владик Полторацкий с Саней Старцевым. С утра до обеда ковырялись в карьерах и закидывали камнем все пространство вокруг. На обед я варил три ведра: щи с тушенкой, кашу и компот. Обычно попытки съесть вчетвером все за один присест не удавались, и где-то к вечеру я просил Галактионова доест. Чаще всего он соглашался, хотя иногда мотал головой с закрытыми глазами и мычал нечто нечленораздельное, означающее, что он уже не может. После обеда мы несколько часов переваривали съеденное, лежа на нарах под задранными вверх полами палатки и греясь на жарком казахстанском солнце.

По ночам уже бывало довольно холодно, а по утрам стенка палатки над головой покрывалась инеем. Время от времени заходили к дяде Вите – то ли за молоком, то ли за еще какой-то надобностью. Его хибара находилась где-то в полукилометре от нашей палатки. В конце визита дядя Витя обычно задавал вопрос-предложение: «Кружка пиво пьешь? Ну, это вроде квас». Несмотря на строжайший сухой закон, который свято блюли и на каменоломне (последствия нарушения могли быть очень далеко идущими), никто не отказывался, т.к. бражка у дяди Вити получалась отменная. Помню состояние умиротворения, когда возвращался к нашей палатке, беседуя с покачивающейся в черном небе полной луной, как со старинной знакомой. И казалось, что луна кивает мне с мудрым пониманием.

В день отъезда после того, как мы собрали все свое барахло и сняли палатку, дядя Витя устроил прощальный ужин. Была жареная яичница с салом и, конечно, его эксклюзивная брага. Галактионову, как официально блюстителю сухого закона, напиток был представлен как квас. Валера так увлекся пробами, что потом мы с трудом загрузили его через борт в кузов грузовика. Конечно пара сотен километров по холодной ночной степи в кузове грузовика полностью отрезвляет, так что в родной совхоз мы вернулись уже в полном порядке.

На следующий день в стенгазете в разделе «новости» рядом с не очень понятной строкой «Фищук закончил обрейковку» появилась еще одна: «вернулись остатки небритых каменоломов» (хорошо еще, что не «останки»). По-моему это уже было где-то за пару дней до окончания нашей целинной эпопеи, потому что не помню, чтобы я где-то еще работал.

Многие уже уехали: Валька Лобанов, Володя Колосов (поехал жениться). Начальником вместо Жени Полищука стал Толя Широков. А жил теперь весь отряд в каком-то длинном помещении типа свинарника, уставленном нарами.

Один день я помогал на кухне Татьяне Красильниковой и по ошибке насыпал в бак с компотом соли вместо сахара. Привыкший уже ко всему народ немного поудивлялся, но компот выпили. И одно из самых ярких впечатлений – это практически полное отсутствие комаров по сравнению с адом на карьерах. Я это очень хорошо прочувствовал на собственной, как бы это выразиться..., ну в общем, когда я, отвыкший от душных и вонючих сортиров, вышел в степь, то за время десятиминутного сидения под звездами меня укусил только один комар. Это был невообразимый кайф!

В последний день был устроен прощальный обед (естественно без каких-либо намеков на спиртное). Кормили чем-то вкусным, а на столах стояли цветы. Приходили пионеры, говорили что-то торжественное. Толя Широков и кто-то из местного начальства выступали с речами вместо тостов. Всем бойцам вручили благодарственные письма с призывом приезжать еще, а некоторым дали какие-то награды. Я получил похвальный лист за хорошую работу.

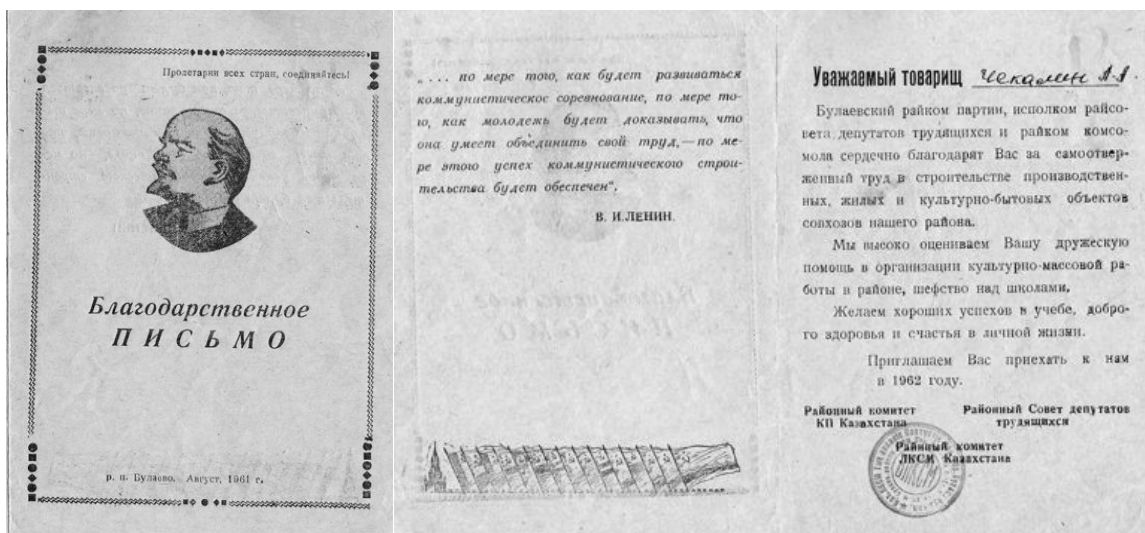
Не помню уже сборов, отъезда из совхоза и как нас везли в Булаево. На

Совхоз
«Молодогвардейский».
Прощальный обед.

станции ждал состав не из теплушек, а из нормальных пассажирских вагонов. Отряды сидели у своих вагонов, ожидая посадки. Неподалеку произносил речь Сережа Литвиненко с целинной медалью на груди. Мы с Женей Поповым и Юрой Малюгиным болтались между вагонами. Недалеко от одного из вагонов стоял ГАЗ-51, около которого мы узрели две пятидесятилитровых фляги с медом (не помню уже, как мы сообразили, что в них мед). Быстро сбегали за кастрюлей и попросили ребят, охранявших фляги, слегка поделиться с нашим вагоном. Но те с важным видом заявили, что это подарок их отряду. Делать нечего, отошли. И тут мне в голову пришла идея. Юра вдвоем с кем-то еще отошел с кастрюлей за кузов

грузовика, а мы с Женей с очень деловым видом быстро подошли от вагонов к флягам, схватили одну из них и понесли, бодро покрикивая: «Ребята, грузимся!». «Ребята» еще толком не успели сообразить, в чем дело, а мы уже зашли за грузовики отлили из фляги полную кастрюлю меда. Буквально через две минуты вернулись и со словами «погрузка пока отменяется» поставили флягу на место. Операция была проведена настолько быстро и четко, что охранявшие так и не врубились, что мы слегка раскулачили их отряд. Мед оказался очень вкусным, но

доели мы его с трудом, хотя кастрюля гуляла сначала по нашему купе, а потом и

по всему туго набитому вагону. Не у всех получалось хлебать густой и тягучий мед через край довольно большой и тяжелой кастрюли.

За все время пребывания на целине я ни разу не побрился и оброс местами довольно густой щетиной, распределенной по молодости крайне неоднородно (где густо, а где пусто). Но довести до дома это мужское украшение так и не удалось. Толя Широков еще в совхозе начал ненавязчиво (но очень настойчиво и регулярно) просить меня побриться и продолжал со свойственной ему педантичностью всю обратную дорогу, так что в конце концов пришлось сдаться.

Отъезд в Москву. Станция Булаево, молодогвардейский отряд перед посадкой в вагоны.

Вскоре после возвращения начались занятия на физфаке. Помню, что после целины появилось какое-то ощущение уверенности, которого раньше не было –

уже не было чувства «мандраж» на семинарах и прочих занятиях. Хотя у многих это чувство, наверное, было чересчур сильно – на втором курсе Хорбенко с Малюгиным пришлось перевестись на географический (там они, впрочем, были отличниками), Пустошный был на грани отчисления, да и меня таскали в деканат по этому же поводу. Но у меня обошлось, а Вовка на пару лет тогда вылетел.

Как всегда по поводу окончания летних работ осенью в ДК МГУ был устроен банкет. У меня совсем не было опыта проведения подобных мероприятий, поэтому я практически ничего не могу вспомнить. Конечно пели, конечно пили. Рядом был Алик Катамахин, который наливал в наши огромные фужеры сразу пиво, водку и портвейн. Потом, стоя (с трудом) на улице около главного здания, Алик на мой вопрос, доедет ли он до дому, произнес свою коронную фразу: «Одно из двух – либо доеду, либо нет!». Пришлось тащить его к себе на Кутузовский, где я погрузил его в ванну и долго поливал из шланга. Совершенно не помню реакции родителей и соседей, но наутро мы в полном порядке отправились на занятия.

Где-то ближе к новому году меня обрадовал Эдик Штейман – просил зайти к нему в общежитие и получить зарплату за летние работы. Я не помню врученной мне суммы, она была достаточно небольшой. Но это была моя первая в жизни зарплата, и я даже купил себе на эти деньги пальто (как сейчас, помню – серое реглан), которое с гордостью носил еще несколько лет.

Если спросить словами песни: «Где же вы теперь, друзья однополчане?», то можно и ответить цитатой «иных уж нет, а те далече». Нет уже Володи Колосова, Володи Пустошного, Юры Малюгина, Валеры Хорбенко, Саши Перова, Толи Широкова, Ефима Швома...Ничего не знаю про Алика Катамахина, Женю Попова, Володю Кудрявцева, Боба Николина. С Валькой Лобановым и Мишей Гангардтом встречаемся регулярно, правда, не всегда по веселым поводам. Иногда встречаю на конференциях Эдика Штеймана – он живет и работает в Черноголовке, Сашу Старцева. С Галактионовым тоже иногда встречаемся, хотя последнее время он что-то жалуется на здоровье. А с Сережей Литвиненко ездили в Казахстан с отрядами «Ветеран-20» (там были Полторацкий, Широков, Швом, Полишук, Азим Рустамов, Таня Красильникова, Письменный) и «Ветеран-30» и теперь регулярно встречаемся у него на даче в Шугарово. Азим остался спортсменом – регулярно играет в футбол, несколько раз выезжали с ним в байдарочные походы, в прошлом году были на Алтае, а минувшим летом (2006 г.) он залез на Эльбрус (при этом на вершину поднялся он один из всей команды). Авторов фотографий было трое Костя Караичев, Саша Перов и Эдик Штейман. К сожалению первых двоих уже нет. А фотографий Костика (он был одним из лучших фотографов физфака) осталось много, как целинных, так и со всех физфаковских и университетских мероприятий.